

Против приручения

Жак Каматт

1973

Оглавление

Против приручения	3
Мифология пролетариата	6
Лицейское движение, Париж, 1973	10
Деспотизм капитала	12
Вопрос насилия	14
Арена борьбы	17
Глобальная перспектива	22
Революция и будущее	24

Против приручения

Время, в котором мы живём, несомненно, является самым критическим периодом, который когда-либо знало капиталистическое общество. Все черты, которые мы связываем с классическим кризисом, теперь существуют как перманентное состояние дел, хотя само производство не претерпело изменений, кроме ограниченного числа стран. Социальные отношения и традиционное сознание разлагаются вокруг нас, в то время как все институты общества продолжают гарантировать себе своё выживание, интегрируя противостоящее ему движение. (Очевидным примером здесь является католическая церковь, которая уже утратила счёт всем «модернизациям», через которые она прошла). Можно было бы подумать, что насилие и пытки, ставшие эндемическими повсюду должны были бы заставить людей мобилизоваться и восстать против них с оружием в руках, но вместо этого, они продолжают процветать на мировом уровне. В самом деле, сегодняшняя ситуация заставляет «варварство» нацистов выглядеть довольно непрофессиональным и архаичным. Все условия кажутся созревшими; должна произойти революция. Откуда тогда препятствия? Что останавливает людей от преобразования кризисов и катастроф, которые стали сами результатом мутации капитала, в катастрофу для самого капитала?

Объяснение этому можно найти в приручении человечества, которое происходит, когда капитал утверждается в качестве человеческой общности. Процесс начинается с фрагментации и разрушения человека, который затем реструктурируется по образу капитала; люди превращаются в капиталистические существа и в конечном итоге капитал антропоморфизмуется. Приручение человечества тесно связано с другим феноменом, ещё более усилившим пассивность человека: фактически капитал «ускользнул» от него.

Экономические процессы вышли из-под контроля, а те, кто мог повлиять на них, теперь осознают, что они бессильны перед их лицом: они были полностью обойдены. На глобальном уровне, бегство капитала очевидно в монетарном кризисе,¹ перенаселении, загрязнении окружающей среды и истощении природных ресурсов. Приручение человечества и бегство капитала являются концепциями, объясняющими менталитет и деятельность тех, кто называют себя революционерами и думают, что могут вмешаться для того, чтобы ускорить пришествие революции: на деле, они играют роли, принадлежащие старому миру. Революция всегда уходит от них и, когда происходит какое-либо брожение, оно чуждо им и им приходится гнаться за ним для того, чтобы их признали как «революционеров».

Долгое время человека, строго говоря, опережало движение капитала, которое он уже не способен контролировать. Это объясняет, почему некоторые думают, что единственным решением может быть уход в прошлое, как в случаях с модными увлечениями мистикой, дзэном, йогой и Тантрой в США. Другие находят убежище в

¹ То, что мы называем монетарным кризисом – это больше чем просто определение цены золота или придание ему новой роли; это также не просто вопрос установления нового общего эквивалента (совершенно нового стандарта) или установления чёткого паритета между национальными валютами, или интегрирования экономик в денежные рынки (капитал как тотальность — Маркс). Монетарный кризис касается роли капитала в его денежной форме, или, точнее, преодоление самой денежной формы, так же как и преодоление товарной формы.

старых мифах, отрицающих тотальную и повсеместную тиранию науки и технологии. (Часто всё это сочетается с использованием какого-либо наркотика, дающего иллюзию быстрого пришествия мира, отличающегося от того ужаса, в котором мы живём²). С другой стороны, есть люди, которые говорят, что только наука и технология могут предоставить ответы – которые объяснили бы, почему некоторые женщины в феминистском движении могут представлять себе своё освобождение через партеногенез или через производство детей в инкубаторах.³ Есть также люди, которые думают, что могут бороться с насилием посредством лекарств против агрессивности и т.д. Все эти люди разделяют, в общем виде, предположение, что каждая проблема предполагает своё частное научное решение. Они в целом пассивны, поскольку принимают тот взгляд, что человек является простым объектом для манипуляций. Они совершенно не готовы для создания новых межчеловеческих отношений (это то общее, что у них есть с врагами науки); они неспособны понять, что научное решение является капиталистическим решением, потому что уничтожает людей и открывает перспективу тотально контролируемого общества.

Теперь мы перейдём к категории людей, которые чувствуют, что должны «что-то сделать»: им нужно осознать, что их понимание ситуации абсолютно неадекватно, а их попытки скрыть этот факт лишь подчёркивает их бессилие. «Молчаливое большинство», из которого состоит остающаяся часть человечества, поражено уверенностью, что делать что-либо бессмысленно, потому что у них просто нет перспективы. Их молчание это не простое и чистое согласие, а скорее свидетельство их неспособности как-либо вмешаться. Доказательством служит то, что когда они мобилизуются, это происходит не ради, а против чего-то. Поэтому их особенная пассивность негативна.

Важно отметить, что две группы, о которых мы говорили выше – активисты и молчаливое большинство – нельзя определять как просто левых и правых: старая политическая дихотомия здесь уже бездейственна. Путаница, которая возникает в связи с этим, тем не менее, важна по отношению к науке, потому что в прошлом левые были преданы науке, в то время как сейчас Новые Левые (например, в США) отвергают её. Однако лево-правая дихотомия продолжает жить среди старых группировок, левых и правых партий и политических рэкетиров прошлого, хотя эти противоположности уже не обладают никаким значением: так или иначе они равным образом защищают капитал. Самыми активными являются различные компартии, потому что

² Ещё хуже, чем «бессердечный мир», о котором Маркс говорит в Критике Гегелевой философии права.

³ Предпосылка этого абсурдного требования – это предполагаемая биологическая неполноценность женщин, что является научной иллюзией. Наука обнаружила в женщинах дефект и заявляет, что именно наука должна излечить его. Если мужчины больше не нужны (благодаря партеногенезу) и если женщины также больше не нужны (поскольку эмбрионы и даже яичники можно развивать в колбах), тогда нам остаётся вопрос, есть ли вообще потребность в человеческом виде. Разве он не стал лишним? Эти люди верят, что можно решить все проблемы путём калечения. Почему бы не избавиться от боли, уничтожив органы чувств? Наука и технология не могут решить социальных проблем. Единственным эффектом их применения станет растущая поверхностность человечества. Очевидно, что никто не может выносить суждение о феминистском движении как о целом, ссылаясь лишь на обсуждаемый нами аспект. Феминистское движение обладает огромным значением в борьбе против капитала и мы надеемся поднять эту тему в будущем. Оно сделало замечательный вклад в критику капиталистического общества и традиционного революционного движения.

они защищают капитал, будучи приверженными как раз тем научным формам и рациональным структурам, которые капитал использует для самоподдержания.

Все левые и правые движения обладают одной и той же функцией, поскольку они участвуют в большем, более общем движении к уничтожению человеческого вида. Остаются ли люди ограниченными устаревшими стратегиями и формами, подчиняются ли они механизмам технологии – результат остаётся тем же. В историческом смысле, левая и правая категории появились как дуализм в начале девятнадцатого века, когда капиталистический способ производства начинал обретать реальное господство над производительным процессом и становиться реальной социальной силой. Так, люди вроде Карлайла, оказались в оппозиции апологетам капитала,⁴ но именно Марксу выпало пойти дальше: он подтверждал необходимость развития производительных сил (а значит также науки и технологии) и, в то же время, обличал их негативное воздействие на людей в непосредственной ситуации. Но он считал, что в конечном итоге это приведёт к такому противоречию, при котором развитие производительных сил станет невозможным без уничтожения капиталистического способа производства. Тогда эти силы будут управляться самими людьми, и отчуждение отомрёт. Но это подразумевало бы, что капитал неспособен стать реально автономным, что он не может уйти от ограничений социального и экономическо-

⁴ Борьбу человека против капитала рассматривали всегда лишь сквозь узкую призму класса. Единственным способом заслужить звание врага капитала было активное самоотжествление с пролетариатом; всё остальное считалось романтическим, мелкобуржуазным и т.д... Но сам акт мышления в классистских терминах означает, что любой отдельный класс ограничен пределами классового анализа. Это особенно важно, когда видишь, что миссией рабочего класса является уничтожение всех классов. Этим также избегается вопрос того, как этот класс совершит самоуничтожение, поскольку классовый анализ не позволяет извлекать какие-либо уроки из трагической интеллектуальной судьбы тех, кто противопоставил себя капиталу даже не признав и не поняв своего врага (как, например, в случае с Бергсоном). Сегодня, когда весь классовый анализ был лишён какой-либо твёрдой основы, можно пересмотреть правые движения и их мышление. Правые – это движение противостояния капиталу, которое стремится восстановить момент, твёрдо укоренившийся в прошлом. Отсюда для уничтожения классового конфликта, излишества капиталистического индивидуализма, спекуляция и т.д., Action Francaise и Nouvelle Action Francaise (NAF) воображают себе общность, которая может быть гарантирована, по их словам, монархической системой. (см. их главу о капитализме в Les Dossiers de l'Action Francaise).

Кажется, что все течения и группы, противостоящие капиталу всегда должны фокусироваться на человеческом как на основе всего. Оно принимает различные формы, но у него глубоко последовательная основа, и оно удивительно однообразно везде, где обретается человеческое население. Так, в поисках восстановления (и установления) *volksgemeinschaft*, даже нацисты представляют собой попытку создать подобную общность (ср. их идею *Urmensch*, «изначального человека»). Мы уверены, что феномен нацизма широко недопонят: многие рассматривают его лишь как демоническое выражение тоталитаризма. Но нацисты в Германии подняли старую тему, о которой до них теоретизировали немецкие социологи вроде Тонниса и Макса Вебера. В ответ, мы находим франкфуртскую школу, особенно Адорно, которая занимается пустыми и стерильными концепциями «демократии», из-за неспособности понять феномен нацизма. Они не смогли понять великую мысль Маркса о необходимости реформирования общности и признание им того, что это реформирование должно вовлекать в себя всё человечество. Проблемы остаются у всех; они серьёзны и требуют срочного решения. Люди пытаются выработать их с разных политических углов. Однако, не эти проблемы определяют, что революционно, а что контрреволюционно, а решения – т.е. эффективны они или нет? И здесь к нам опять приходит менталитет рэкетира: каждая левая или правая банда создаёт себе свою интеллектуальную территорию; любой кто заходит на одну из них автоматически клеймится как член соответствующей банды, контролирующей эту территорию. Так происходит овеществление: всё определяет объект, субъект пассивен.

го базиса, на котором он построен: закона стоимости, обмена между капиталом и рабочей силой, жёсткого общего эквивалента (золота), и т.д.

Переводя во внутреннюю плоскость социальную основу, на которой он был построен, капитал стал автономным, и поэтому смог ускользнуть. Стремительное продвижение его развития в течение нескольких лет высвободило серьёзные опасности для человечества и для всей природы. Даже самые дальновидные эксперты и старые зануды не могут игнорировать окружающие нас опасности. В определённой мере, они даже вынуждены присоединяться к тем, кто говорит в терминах апокалипсического будущего. Апокалипсис в моде, потому что наш мир приближается к концу, мир, в котором человек, несмотря на всю свою очевидную слабость и деградированность, всегда оставался нормой, ориентиром. Но, столкнувшись с фактом смерти бога, мы теперь слышим провозвестие о смерти человека. И бог, и люди сдаются перед наукой, которая является заодно богиней и служанкой капитала: наука представляется в сегодняшнем мире как изучение механизмов адаптации, ассимилирующих человека и природу в структуру производительной деятельности капитала. Все признаки указывают на то, что наименее разрушенные люди, в частности молодые люди, теперь неспособны смириться с этим наступлением адаптации и приручения; поэтому они отвергают систему.

Процесс приручения иногда происходил через насилие, как во времена примитивного накопления; но чаще он происходит через хитрость, потому что революционеры продолжают мыслить в соответствии с предпосылками, присущими капиталу и развитию производительных сил, и все они преклоняются перед одним божеством, наукой. Поэтому благодаря приручению и репрессивному сознанию наши умы окаменели более или менее до состояния дряхлости; наши действия утратили гибкость, а наши мысли стали стереотипными. Мы стали бездушной замороженной массой, застывшей на месте, всё время будучи уверенными, что смотрим в будущее. Но в период мая-июня 68-го, новая жизнь совершила прорыв, и движение роста к коммунизму началось вновь. Не появилось ни одной новой теории, или новых способов действия. Важный факт заключается в том, что у борьбы появилась новая цель. У неё нет ничего общего с политикой, идеологией, наукой или даже социальной наукой (последняя была полностью дискредитирована). Скорее это было утверждение особой жизненной необходимости против этого общества и независимо от него: для того, чтобы положить конец пассивности, навязанной капиталом, вновь обнаружить общение между людьми, свободное творчество и ничем не связанное воображение в движении человеческого становления.

Мифология пролетариата

С пришествием мая-июня 68-го всё изменилось и всё продолжает меняться с тех пор. Вот почему невозможно рассматривать лицейское движение 1973-го (обсуждается ниже) и его потенциал кроме как в связи с этим предшествовавшим ему движением.

Согласно нашему анализу деятельность мая-июня 68-го стала ясным свидетельством того, что революция позитивно возродилась, означая собой начало нового

революционного цикла. Но наш аргумент соответствовал классовому анализу: так мы пришли к утверждению, что результатом мая станет возврат пролетариата к классовой основе. Более того, в событиях того периода мы обнаружили подтверждение нашей уверенности, что революция будет следовать по курсу, очерченному Марксом. Но на деле, первыми восставшими классами в 1968-м стали социальные слои наиболее приближенные к истеблишменту, те, чьи объективные интересы тесно совпадали с интересами государства. Угнетённые классы последовали за ними позже, и именно они радикально разрешили противоречия, которые иные социальные классы хотели лишь реформировать. Ход развития английской и французской революций содержал в себе субстанцию, из которой формировалась мысль Маркса. Так, в случае с французской революцией, аристократия вмешалась в ситуацию на самых ранних стадиях, именно знаменитый бунт аристократов за несколько лет до 1789-го, способствовал борьбе буржуазии (в то же время, готовя почву просвещённому деспотизму). Буржуазные слои, менее привязанные к государству, формировавшие что-то вроде интеллигенции, по выражению Каутского, последовали за ними. Только тогда, после поражения реформы, внутреннего разложения системы и падения монархии, были вовлечены крестьяне и ремесленники (четвёртое сословие, будущий пролетариат), создавшее окончательный решительный разрыв и гарантировавшее, что возврата назад не будет. Без них, революция, за которой последовала перемена в способе производства, происходила бы гораздо дольше. В России события развивались схожим образом. Здесь мы предполагаем, что самые угнетённые и наиболее заинтересованные в бунте – и те, из кого состоит, согласно некоторым, истинный революционный класс – могут прийти в движение только в такой период, когда в сердцевине общества уже произошел разрыв, и государство существенно ослабилось. Из этого разрыва появляется новая перспектива, хотя бы и лишь через осознание, что жизнь уже не будет такой как прежде, что стало необходимо найти иной путь. Этот процесс – это один из элементов, который придаёт каждой революции характер, отличный от строгого классового подхода. Это тем более верно в отношении будущей коммунистической революции, потому что это будет деятельность не просто одного класса, но всего человечества, восставшего против капитала.

В центре явления, которое мы когда-то рискнули назвать универсальным классом, или, проще человечеством (потому что оба являются теперь рабами капитала), находятся социальные слои, существующие в непосредственной близости капитала, (т.е. новые средние классы и студенты), бунтующие против системы. Они рассматривают себя как особые слои в обществе в той мере, в какой они способны детонировать движение, которое революционизирует пролетариат и приведёт его в движение, но это только карикатура на революцию, поднятая на поверхность по случаю и разряженная в старые регалии в своём неуклюжем ходе через все прошлые стадии.

Классовый анализ, которого мы придерживались изначально, мог только интерпретировать реальные события, не более. Тем же недостатком обладали участники мая-68, воспринимая себя из-за него в соответствии со старыми схемами. Становится всё более очевидным, что эти активные участники были мужчинами и женщинами,

⁵ Здесь мы говорим о техниках, интеллектуалах, политиках и экономистах, таких как члены Римского клуба, Маншольт, Дюмон, Лабори и т.д.

лично и интимно вовлечёнными в жизнь капитала, особенно те, кто должен был поддерживать и оправдывать его представления,⁵ взбунтовавшимися против него. Но их бунт был полностью рекуперирован, потому что пошёл по избитой дорожке классовой борьбы, стремясь пробудить пролетариат для выполнения его миссии.

Здесь мы вступаем в очевидный тупик. Ролью пролетариата было уничтожение капиталистического способа производства для того, чтобы освободить заключённые в нём производительные силы: коммунизм должен был начаться только после выполнения этой задачи. Но капитализм не заключает производительные силы, а поднимает их на невиданные вершины, потому что они существуют ради капитала, а не ради человечества. Пролетариат поэтому является поверхностным феноменом. Обращение перспективы вспять, в соответствии с которым производительные силы освобождаются капиталом, а не пролетариатом, благодаря развитию науки, является развитием, параллельным приручению человека. Их приручение – это приятие развития капитала, о котором теоретизировал Маркс, которое само по себе является архи-защитником роста производительных сил. В ходе этого развития, пролетариат, как производитель прибавочной стоимости, утратил даже эту функцию через обобществление наёмного труда и уничтожение всех различий между производительным и непроизводительным трудом. Пролетариат, перед которым некогда преклонялись, стал теперь самой сильной поддержкой капиталистического способа производства. Чего хочет этот пролетариат? И те, кто говорят от имени пролетариата и преклоняются перед ним – чего они хотят? Если полной занятости и самоуправления, то это станет лишь гарантией продолжительности капиталистического способа производства, поскольку теперь он станет более гуманным. Все левые уверены, что нужно лишь сделать так, чтобы процесс производства, будучи действующим рационализмом, начал действовать для человеческих потребностей. Но этим рационализмом является сам капитал.

Именно из-за мифологии пролетариата «народничество» мая-68, как мы называли его, стало «пролетаризмом». Люди начали говорить: «Мы должны пойти к пролетариату, восстановить его боевой дух, призвать его способности к самопожертвованию и тогда он сможет прогнать злых боссов и последовать за другими ‘пролетариями’ по дороге к революции».

Май-68 сопровождался великим презрением и путаницей. Люди презирали самих себя, потому что не были «пролетариями» и друг друга по той же причине, в то время как никто ничего не понимал о пролетариате, классе, который всегда считался потенциально революционным. Нет иного способа объяснить тупик, в который зашло движение, сформировавшееся в оппозиции к существующему обществу. Этот тупик не стал ясным сам по себе, потому что в энтузиазме, который последовал за маем-68, движение оппозиции начало жить своей собственной жизнью, и основные вопросы остались на его полях. Но не только это, шок мая-68 вызвал возрождение и возвращение течений рабочего движения, которые до тех пор презирались официальными партиями и приговаривались ими к забвению: движение рабочих советов во всех вариантах, старая Немецкая Рабочая Коммунистическая Партия (KAPD), идеи таких индивидов как Лукач и Корш и т.д. Это возвращение прошлого стало признаком того, что люди не воспринимали текущую ситуацию напрямую, и что сама ситуация была неспособна породить новые формы борьбы или теоретические подходы. Тем не ме-

нее, интеллектуальное прохождение по этой уже хорошо проторенной дорожке всё ещё остаётся формой бунта, потому что таким образом не гибнут перед тиранией того, что просто «произошло». Более того, это может стать началом поиска истоков блужданий человечества и первым шагом в противостоянии судьбе человечества, которое должно быть исключено из своего собственного человеческого контекста и обречено на парашу продуктивизма.

Выше мы говорили о «тупике». Это не самый красноречивый образ, но, тем не менее, он является сердцем иной темы. Это словно стена, стоящая перед различными группами этого широкого течения в обществе, и этой стеной является пролетариат и его представление.⁶ Активисты переходят из одной группы в другую, при этом «меняя» идеологию, каждый раз волоча за собой груз непримиримости и сектантства. Некоторым из них удаётся, при их крайне широких траекториях, перейти от ленинизма к ситуационизму, вновь обнаружить нео-большевизм и затем перекинуться к коммунизму рабочих советов. Все они натываются на эту стену и отлетают, иногда дальше, чем другие. Стена – это эффективный барьер против любой возможной теоретической и практической комбинации. (В Германии можно найти и антиавторитарных троцкистов, корристских троцкистов и т.д.)

Очевидно, что в этих группах, как и у некоторых индивидов, есть аспекты, которые далеки от негативных, поскольку определённое количество вещей были правильно поняты; но даже это понимание деформировано всеядным менталитетом, который является духовным дополнением образования группировки.

В предыдущих статьях было ясно показано, что нельзя найти ключ к представлению пролетариата, не поставив под вопрос марксистскую концепцию развития производительных сил, закон стоимости и т.д. И всё же пролетариат стал фетишем и, подразумевая такие сильные этические и практические мотивы, он всё ещё остаётся самым тяжким грузом на сознании революционеров. Но как только этому фетишу брошен вызов, и он предстаёт тем, чем является, всё теоретическое/идеологическое

⁶ Человек не всегда погружён в природу; существование не всегда совпадает с сутью, бытие с сознанием и т.д. Это отчуждение вызывает к жизни потребность в представлении. Когда время начинают воспринимать как необратимое, субъект прошлого рассматривают как отличный от субъекта настоящего, а память начинает приобретать определяющую роль. Здесь для того, чтобы обеспечить посредничество в игру вступает представление. Из такого понимания открывается дорога для пересмотра философии и науки, задачи, которая однажды должна будет быть предпринята. Некоторые читатели найти схожие идеи (которые на деле будут иными, потому что они оставят в стороне значимость представления в социальных контекстах) в работе Кардана и социал-воображения, у ситуационистов с их спектаклем, у академиков, в анализе представления в шестнадцатом веке Фуко (который мы подняли в изучении демократической мистификации). Мы хотели бы прояснить нашу собственную позицию: мы используем термин «представление» точно так же как Маркс (*vorstellung*) для того, чтобы указать, например, что стоимость может быть представлена в цене. В статье «A propos du capital» (*Invariance*, III серия, № 1), мы кратко обсудили способ, которым капитал становится представлением, становящимся, в свою очередь, автономным, и как он затем может существовать, только если все будут принимать и признавать его реальность. Поэтому людям теперь приходится переводить капитал во внутреннюю плоскость. Вопрос о представлении вообще очень важен. С того момента, когда человек и природа больше не будут существовать вместе в непосредственном единстве (оставляя на данный момент в стороне вопрос о том возможно ли вообще «непосредственное единство»), становится необходимым представление. Представление является человеческим овладением реальностью и наших средств общения и в этом смысле его никогда нельзя упразднить: человек не может существовать в безраздельном единстве с природой. Смысл в том, что представление не должно становиться автономным, очередным выражением отчуждения.

здание рушится. Но остаётся невысказанное предположение, что каждый индивид должен быть частью группы и отождествляться как таковой для того, чтобы обладать силой и безопасностью при встрече с врагом. Существует страх остаться одному – сопровождаемый, правда, искренним осознанием, что нужно объединяться для того, чтобы уничтожить капитализм – но есть также страх индивидуальности,⁷ неспособность самостоятельно решать фундаментальные вопросы нашей эпохи. Это ещё одно проявление приручённости человека, страдающего от болезненной зависимости.

Лицейское движение, Париж, 1973

Исходя из вышесказанного, можно лучше оценить реальную ценность лицейского движения (весна, 1973г.). Оно придало ясную перспективу тому, что было лишь очерчено в мае-68: критике репрессивного сознания. Репрессивное сознание зародилось в марксизме постольку, поскольку последний был конкретной формулой для будущего человеческого вида: когда позволят производительные силы, должна была прийти пролетарская революция. Это правовое и репрессивное сознание действует через объяснение народных восстаний, клеймя их как незрелые, мелкобуржуазные, работу несознательных элементов и т.д. Именно это сознание становится корнями для овеществления, потому что оно может быть лишь организованным сознанием, принимая форму партий, профсоюзов и группировок. Все они организуют репрессии против тех, кто не организован, или организован не в соответствии с их методами. Разница между этими организациями измеряется количеством репрессий, которые они готовы осуществить.

Критика репрессивного сознания не атакует миф о пролетариате напрямую, споря с ней, но скорее косвенно, игнорируя и высмеивая её. В этом случае молодые люди не попадают в ловушку рабочих организаций для того, чтобы сформировать единый фронт в стиле мая-68. Но политики всех видов гонятся за ними, пытаясь «вовлечь» их: КПФ, СП, ОСП, СЖТ, СФДТ⁸ и прочие преследуют студентов, пытаясь убедить их, что все они находятся под более или менее одним знаменем. Когда студенты уходят

⁷ Этот пункт проясняет в Эросе и Танатосе Норманн О. Браун. Сам по себе страх индивидуальности не может объяснить глубокий феномен стереотипизации человека, вынужденного самоотжествляться с определённым типом бытия и растворяться в группе. Люди боятся сами себя, потому что не знают самих себя. Отсюда потребность в норме, для того чтобы ограждать себя от «излишеств», способных повредить социальному порядку точно так же как и индивидуальному сердцу. Казалось бы, организации слишком хрупки для того, чтобы позволить свободное развитие человеческого потенциала. При капиталистическом способе производства всё возможно как элемент капитализации, но возможно только то, что позволено; это означает, что индивид сводится к модальности бытия, которое не является ни нормальным, ни аномальным; в то время как тотальность существует только в дискурсе капитала, где она остаётся извращённой и вне достижимости. Страх индивидуальности очевиден в большинстве утопий, изображающих триумф деспотической и эгалитарной рациональности.

⁸ Аббревиации означают компартию, соцпартию, объединённую соцпартию и две крупнейшие профсоюзные конфедерации: СЖТ (коммунистическая) и СФДТ («независимая» левая). Открытое брожение в лицах началось 22 марта, когда 30 000 молодых людей вышли на демонстрацию в Париже против закона Дебре о 15-месячной военной обязанности (раньше это было два года) для всех 18-летних, но без отсрочки после 21. В течение первой половины апреля в Париже прошли крупные демонстрации (в одной из них приняло участие 100 000 человек согласно The Times от 10 апреля 73 г.), как и во многих других городах Франции, а также в Страсбурге. В лицах были сформированы

с единых демонстраций, как это часто происходит, наружу выходит политический маскарад, непристойно предлагающий себя на продажу: болтливые политические ветераны и окаменевшие старые соблазнительницы из КПФ и СЖТ через пять лет после мая-68 обнаруживают политическую значимость молодёжи, скандируя свои лозунги во время своих маршей, в то время как студенты стоят в стороне и смеются над ними. Кажется, что молодёжь утратила дух и её место заняли взрослые!

Ещё больше насмешек ожидало политиков всех мастей, которые снова пытались утверждать первенство пролетариата во время этих событий, заявляя, что критический революционный момент должен была настать после забастовки квалифицированных рабочих. Это потому что они не могут представить себе революцию, если она не одета в спецовку. Квалифицированные рабочие не угрожают капиталистической системе; капиталистический способ производства давно уже принял повышения зарплаты, и он вполне способен улучшить условия труда. Отсюда упразднение конвейера является осознанной необходимостью в кругах некоторых боссов.

Лицейское движение уменьшило в размерах учреждения общества и их защитников. Те, кто хотел (может быть и с неохотой) снизить до уровня «нашей храброй молодёжи» вели себя смешно – помимо всего прочего интегрированность должна платить свою цену. С другой стороны, тот, кто безуспешно хотел противостоять движению изнутри просто продолжили питать к нему презрение и таким образом навлекли насмешки на самих себя. Но затем настала очередь правительственных мужей: они начали блеять о том, что у нас есть депутаты и парламент, и мы должны использовать их для решения неразрешённых проблем. Молодёжь действовала так, как будто ничто из всего этого не существовало. Опять же, как в мае-68, не было сообщения, понимания между двумя сторонами («Мы не закрыты перед аргументами, но я, правда, не понимаю чего они все хотят» – Фонтане, министр образования. Они с удовольствием воображают себе молодёжь, которая вела бы с ними дискуссии и выдвигала свои аргументы. Это революция самой жизни,⁹ поиск иного образа жизни. Диалог должен касаться только планов и идей о реализации этого желания. Не может быть никакого диалога между социальным порядком и теми, кто свергнет его. Если диалог возможен, это служит указанием, что движение всё ещё хромает.

Под всем этим находится глубокий, важный феномен: вся человеческая жизнь, с самого начала своего развития в капиталистическом обществе, прошла через обеднение. Более того, капиталистическое общество является организованной смертью с видимостью жизни. Речь идёт не о смерти как уничтожении жизни, но о смерти-

стачкомы и всеобщие собрания. Зачастую их контролировали политические активисты (как правило, из троцкистских организаций, La Ligue Communiste Révolutionnaire и L'Alliance Marxiste; молодые члены компартии оставались в существующих студенческих организациях), и этим лидерам удалось, несмотря на значительную оппозицию, наладить контакты с профсоюзами, выпускавшими длинные декларации в поддержку бастующих учеников лицеев. Это привело к «объединённым» демонстрациям 9 апреля, на которых колонны возглавляли лидеры СЖТ.

⁹ В 1964-м Кардан видел, что молодёжные восстания были очень важны, но он рассматривал их как нечто внешнее, чем следует воспользоваться. Такую дань идеология платит старой идее привнесения сознания извне: *«Революционное движение может дать позитивное направление сегодняшнему грандиозному бунту молодёжи. Если оно сможет обнаружить тот новый и искренний язык, который ищет молодёжь, оно сможет обратить их бунт в фермент социального преобразования и показать им иную деятельность для борьбы против мира, который они теперь отрицают».* Socialisme ou Barbarie N°35, стр. 35

в-жизни, смерти с субстанцией и силой жизни. Человек мёртв и является не более чем ритуалом капитала. Молодёжь всё ещё обладает силой отрицать эту смерть; она способна восстать против приручения. Она требует жизни. Но огромному количеству самодовольных людей, которое живёт в пустых мечтах или фантазиях, это требование, эта страстная потребность всё ещё кажется иррациональным, или, в лучшем случае, недостижимым по определению раем.

Молодёжь остаётся серьёзной проблемой для капитала, потому что она является всё ещё неприручённой частью общества. Студенты лицеев проводили демонстрации не только против военной службы и армии, но так же, и настолько же, против школы, университета и семьи. Школы действуют в качестве организации душевной пассивности, и это касается также активных и либертарных методов; освобождение школы стало бы освобождением угнетения. Во имя истории, науки и философии, каждый индивид должен уходить в коридоры пассивности, в мир, окружённый стенами. Знание и теория представляют столько же неодолимых препятствий, не позволяющих индивиду узнать других индивидов, препятствующих какому-либо диалогу между ними. Разговор должен протекать по определённым каналам, вот и всё. Затем, в конце трубопровода, находится армия, фабрика для приручения; она организует народ в общую волю к убийству других, структурируя уже отложившуюся в их сознании дихотомию вековой моралью «моей нации» и «чужого народа», потенциального врага. Людей тренируют и обучают, как оправдывать то, что не подлежит никакому оправданию – убийство женщин и мужчин.

Мы не отрицаем, что брожение перед Пасхой обладало реформистскими тенденциями. Реформистские аспекты повлекли за собой интеграцию, но нас здесь интересует не это, потому что это ничего не говорит нам о борьбе вида против капитала. Как и в мае-68, это движение было поверхностным, (хотя лишь более радикальное движение снизу смогло позволить ему выйти на поверхность), и оно откроет дверь улучшенной реструктуризации деспотизма капитала, позволяя ему лучше реализовывать свою «модернизацию».

Деспотизм капитала

Школы и университеты являются слишком жёсткими структурами для глобального процесса капитала, и то же самое касается армии.¹⁰ Стремительный упадок знания

¹⁰ В отношении армии, мы настаиваем, что аргументы, проводящие различия между добровольцами, профессиональной армией и призывниками в национальную армию являются обманом, абсурдным шантажом. Если вы закрываете военную службу, у вас всё ещё остаётся профессиональная армия, преторианская гвардия, возможность возвращения фашизма. (Некоторые левацкие группы совершили «вмешательства» во время агитации 1973-го, требуя демократического и народного контроля за национальной армией. На практике, нынешняя система во Франции является смешанной: профессиональная армия, обучающая и тренирующая новобранцев, из которых потом создаётся национальная армия. И откуда пришла идея этой национальной армии, которую так превозносил Жоре? – из священного союза 1914-го, из священной бойни, перед которой до сих пор преклоняются. Есть книга под названием Новая армия (изд. 10/18), демонстрирующая в какой мере «фашизму» не нужно было изобретать свежих теорий в этой области, поскольку её уже разработал социал-демократический Интернационал. Жоре хотел примирить армию с нацией (а именно этого хотел и добился Гитлер). Примирение было достигнуто в 1914-м, когда храбрые французы бодро пошли на бойню. Как сильно это отличалось от культа родины

и развитие СМИ уничтожили старую школьную систему. Учителя и профессора являются, с точки зрения капитала, бесполезными существами, которые будут заменены программируемыми уроками и обучающими машинами. (Точно так же капитал избавится от бюрократии, потому что она препятствует передаче информации, являющейся основой мобильности капитала). По иронии, многих из тех, кто спорит о необходимости жизни, легко убеждают решения, доверяющие обучение машинам и таким образом уничтожающие человеческую жизнь. Как правило, можно сказать, что все сторонники «модернизации» фактически провоцируют свою обречённость как индивидов с определённой функцией в обществе; они требуют собственных лишений. Но даже те, кто проповедует возвращение к жёсткому и авторитарному климату, превалировавшие до 1968-го, не смогут добиться ничего, потому что для успеха их планов, им нужно всё ещё опираться на капитал, а капитал приобретает выгоды как слева, так и справа.

Капитал навязывает свой деспотизм человеку посредством предметов и вещей, несущих в себе новые способы бытия, присущие новым требованиям капитала. Это подразумевает мир вещей в быстром движении, постоянно изменяющихся и дифференцирующихся (процесс явно не чуждый ощущению бессмысленности). Эти качества неизбежно вступают в конфликт с традиционными социальными отношениями и прошлым образом жизни, включая прошлый образ мышления. Реальными субъектами являются вещи. Они навязывают свой собственный ритм жизни и гарантируют ограниченность людей уровнем их собственного существования. Но поскольку предметы и вещи управляются и контролируются движением капитала, всегда остаётся возможность, что растущее новое угнетение может привести в движение повстанческую деятельность против общества самого капитала. И всё же капитал, в свою очередь способен получать выгоду от подрывной деятельности для собственного укрепления, как он это делал в начале этого века. Бунт пролетариата, ограниченного пространством своей фабрики и направленный на управление производством, стал фактором, который на деле помог капиталу в его движении к реальному господству. Конечным результатом стало уничтожение слоёв, который были лишними для прогресса капитала, триумф полной занятости, отход от либерализма *laissez-faire* и т.д.

Мы не предполагаем, что революция зародится напрямую из конфликта, о котором мы говорили только что, не говорим мы и что её начнут мужчины и женщины, которые в обычной жизни очень консервативны. Мы хотим сделать ударение на следующем утверждении: капитал должен прийти к господству над всеми людьми и для этого он уже не может полностью зависеть от старых социальных слоёв, которые сами, в свою очередь, оказываются под угрозой. Эту тенденцию весьма точно понял Франц Боркено:

В этом громадном контрасте с предыдущими революциями отражён один факт. До этих последних лет, контрреволюция обычно зависела от поддержки реакционных властей, которые были технически и интеллектуально ниже сил революции. Это изменилось с приходом фашизма. Теперь, любая революция будет сталкиваться с

Жоре. «Она коренится в самих основах человеческой жизни и даже, если угодно, в психологии людей» (*l'Armée Nouvelle*, стр.268). В Германии, примерно в то же время, Бебель размышлял схожим образом.

атаками самого современного, эффективного и безжалостного аппарата, который когда-либо существовал. Это означает, что век революций свободных эволюционировать в соответствии со своими собственными законами закончился.¹¹

Мы должны помнить, что капитал, постоянно переворачивающий традиционный жизненный уклад, сам по себе является революцией. Это должно снова приводить нас к мысли о природе революции и к осознанию того, что капитал способен контролировать социальные силы и совершать перевороты в существующем порядке путём восстаний против самого общества, над которым он господствует.¹² Никогда раньше видение и понимание не были более жизненно необходимы; каждый отдельный бунт теперь становится стимулом для движения капитала. Но людей лишили возможности мыслить теоретически и воспринимать реальность как часть итогов исторического процесса – это произошло в результате процесса приручения. Схожим образом, эта способность к теоретической мысли не смогла укорениться в материальном развитии нашей планеты и в нас, как в человеческом виде, из-за существующего раскола между сознанием и телом и старого разделения между физическим и умственным трудом (которое теперь преодолевается автоматизированными машинами в угоду капиталу).

Революция больше не может означать уничтожения всего старого и консервативного, потому что сам капитал уже добился этого. Она проявится скорее как возвращение к чему-то (революция в математическом значении термина), возвращение к общности, хотя и не в одной из существовавших прежде форм. Революция проявится в уничтожении всего самого «современного» и «прогрессивного» (потому что наука является капиталом). Ещё одним из её проявлений станет новая экспроприация всех тех аспектов и качеств жизни, которым до сих пор удавалось утверждать человеческое. В попытках понять, что означает эта тенденция, нам не поможет ни одна из старых дуальных, манихейских категорий. (Это та же тенденция, которая в прошлом тормозила процесс валоризации в его движении к ситуации полной автономии). Если триумф коммунизма должен привести к творчеству человечества, он должен добиваться возможности этого творчества, он должен быть желанием, которое существовало всегда, в течение столетий. Однако здесь опять же нет ничего лёгкого, явного, несомненного, и можно законно сомневаться о том, что значит быть человеком после колониализма и нацизма, а затем и второго колониализма, борющегося против бунтов угнетённых стран (известные боины и пытки осуществлялись британцами в Кении, французами в Алжире и американцами во Вьетнаме), и перед лицом зверского и глубоко укоренённого насилия, продолжающегося повсюду. В самом деле, возможно ли, что человечество слишком заблудилось и увязло во время своих inferнальных блужданий для того, чтобы спасти себя?

Вопрос насилия

Движение лицейских студентов было утверждением коммунистической революции в её человеческом измерении. Студенты подняли вопрос насилия (хотя и не

¹¹ Цит. По Ноам Чомски: *American Power and the New Mandarins* (Pelican, 1969) стр. 247.

¹² Азиатский способ производства испытал на себе большое количество повстанческих движений,

всегда в полном объёме) своим отрицанием армии, военной службы и универсального права на убийство. По контрасту, левые и крайне левые группировки, кроме анархистов, проповедают необходимость учиться убивать, потому что думают, что могут заставить смерть «воздействовать» на капитал. Но никто из них (и это в особенности касается крайних элементов) не принимает в расчёт тот факт, что они предполагают необходимость уничтожения человека ради революции. Как можно праздновать революцию прикладом? Принимать армию по одной причине, какой бы она ни была, значит укреплять репрессивную структуру на всех уровнях. Любой аргумент на эту тему служит лишь поддержанию репрессивного сознания, согласно которому люди должны подавлять желание не убивать, потому что на каком-то этапе в будущем от них потребуется убийство. (А некоторые просто упиваются подобной перспективой). Репрессивное сознание заставляет меня быть бесчеловечным под тем предлогом, что в один прекрасный день, предопределённый теоретической судьбой, я наконец-то превращусь в человека.

[Различные левые и крайне левые течения] заверяют, что между «буржуазным» желанием упразднения воинской повинности и либертарным пацифизмом, нет ничего общего, что вызывает сознательные возражения, более или менее присущие молодым.

(Т. Pfister, Le Monde от 27 марта 73 г.)

Насилие является жизненным фактом в современном обществе; вопрос теперь в том, как можно отменить насилие. Революция высвобождает насилие, но оно должно быть под нашим контролем и управлением; оно не должно действовать вслепую и, разумеется, его нельзя прославлять и расширять его поле действия. Подобные заявления могут звучать резонно, но они будут бесполезными, если мы не будем продолжать изучать точнее действительную природу насилия, определяемую в первую очередь её объектом: так, насилие, направленное против капиталистической системы надо хвалить и поощрять, а насилие против народа нет. Но капиталистическая система представлена народом, и именно этот народ иногда захлестывает насилие. Вот где вопрос ограничения насилия становится актуальным; если его не поднимать, мы будем продолжать жить по предписаниям капитала. При том, что деспотизм капитала поддерживается общим насилием против людей, факт также, что он может достичь господства над людьми сначала противопоставляя их друг другу, а затем распределяя между ними различные роли. Когда происходят конфликты, каждая сторона представляет другую, как не-человеческую (так американцы рассматривали вьетнамцев). Если человека нужно уничтожить, его сначала нужно лишить его человечности. Итак, если во время революционной борьбы люди предпочитают придерживаться этого взгляда, разве они не просто имитируют методы капиталистов и не продолжают этим уничтожение человека?

которые возрождали его. Согласно некоторым историкам, некоторые бунты поднимались самим государством. Великая культурная революция Мао стала лишь переигрыванием подобных бунтов. Эти факты подтверждают тезис, который мы поднимали несколько раз, о сходстве между азиатским способом производства, при котором классы не могут стать автономными, и капиталистическим способом, при котором они поглощаются.

Мы можем задаться вопросом, какую игру ведут леваки когда они теоретизируют об уничтожении господствующего класса (скорее чем его поддержки), или полицейских («хороший мент – мёртвый мент»)? Можно вывести уравнение $CRS=SS$ ¹³ на уровне лозунга, потому что это реально передаёт реальность двух ролей, но не оправдывает уничтожения участвующих людей по двум причинам. Во-первых, это полностью вычёркивает возможность подрыва полиции. Когда полицейские чувствуют, что её сводят к статусу недочеловеков, они сами начинают бунтовать против молодёжи для того, чтобы утвердить свою человечность, в которой им отказывают, и, таким образом, они играют роль не просто машин убийства/репрессий. Во-вторых, любой ОМОНовец или любой другой мент является ещё и личностью. Каждый является личностью с определённой ролью, как и любой другой. Опасно делегировать всю бесчеловечность одной стороне социального целого, а всю человечность другой. Речь здесь идёт не о проповеди не-насилия,¹⁴ но скорее о точном определении, какое насилие должно осуществляться и в каких целях. В связи с этим, следующие пункты должны чётче очертить нашу позицию: во-первых, все стереотипы и функции следует принимать за то, чем они являются – роли, навязанные нам капиталом; во-вторых, мы должны отвергать теорию, постулирующую, что те индивиды, что защищают капитал, должны быть просто уничтожены; в-третьих, мы не можем делать исключений лишь на том основании, что некоторые люди несвободны, что и ментов и революционеров производит «система». Если бы это было правдой, логическим заключением была бы или позиция не-насилия, или ситуация, при которой люди становятся автоматами, что оправдывало бы всякое насилие против них. Если с самого начала отрицать любую человечность в людях, как можно ожидать от них, что они станут реальным человечеством? Их следует рассматривать как людей, как человеческие существа. Хотя большинство и мыслит в терминах радикального решения проблем, выработанных классовым обществом – т.е., репрессии против твоих оппонентов – даже в этой форме революция должна осуществляться в соответствии со своей истинной природой, а именно будучи человеческой. Когда наступит конфликт, а он наступит неизбежно, не должно быть попыток свести различных индивидов, защищающих капитал к уровню «скота» или механических противников; их следует ставить в контекст человечества, потому что они знают, что являются частью человечества и в потенциале могут обрести свою человечность снова. В этом смысле конфликт приобретает интеллектуальное и духовное измерения. Представления, оправдывающие защиту индивидом капитала, должны быть обнажены и демистифицированы; люди в данной ситуации должны осознать противоречия, и в их сознании должны появиться сомнения.

Терроризм также следует рассматривать в этой перспективе. Недостаточно просто обличать его ужасы. Те, кто приемлет терроризм, капитулировали перед властью капитала. Терроризм – это не просто уничтожение отдельных людей: это также взы-

¹³ CRS – это военизированная полиция для подавления беспорядков. В мае 1979-го появился новый вариант старого лозунга, когда троцкисты из Ligue Communiste Révolutionaire (LCR) объединились со сталинистами и CRS в насильственном подавлении «автономов» во время демонстраций сталеваров из Лонгви и Денэна в Париже: LCR=CRS, или LCRS.

¹⁴ Не-насилие само является лишь пресной, лицемерной формой насилия, признаком неспособности некоторых людей постоять за себя и за своё человеческое достоинство.

вание к смерти для того, чтобы вызвать гипотетический бунт. Этот аспект следует особо отметить, не порицая и не одобряя его, но его следует отвергать как план действия. Терроризм подразумевает, что «стена» (пролетариат и его представление) стала непреодолимой и нерушимой. Терроризм признаёт поражение, и все его недавние примеры подтверждают это.

Мы должны признать, что подавляющее господство капитала воздействует на всех без исключения. Нельзя рассматривать отдельные группировки как «избранных», вырванных из-под деспотизма капитала и неотмеченных им. Революционная борьба является человеческой борьбой, и она должна признавать в каждом человеке возможность человечности. В гуще конфликта между рэкетирами, «капиталистами» и полицией во всех её формах, каждый индивид должен с силой отвергать, как в самом себе, так и во внешнем мире, приручение капитала и все его комфортабельные, самоочевидные «объяснения».

Арена борьбы

Ничто из вышесказанного не может обладать значением, если не будет происходить одновременного отказа от всех устаревших форм борьбы. Как движение мая-68, так, и даже сильнее, лицейское движение ставило ясное ударение на том, что приверженность старым формам борьбы неизбежно ведёт к определённому поражению. Теперь становится всё более признанным фактом, что демонстрации, марши, зрелища и шоу никуда не ведут. Размахивание флагами, расклеивание плакатов, раздача листовок, атаки на полицию и любая деятельность, является повторением ритуала – ритуала, в котором полиция всё время играет роль неодолимых порабощителей. Поэтому методы борьбы следует подвергнуть тщательному анализу, потому что они являются препятствием для создания новых способов действия. Для того чтобы они стали эффективными, надо отказаться от старых арен борьбы – как на рабочих местах, так и на улицах. Пока революционная борьба происходит на территории капитала, а не на своей, не может быть существенного прорыва, качественного революционного скачка. Здесь мы должны сконцентрировать наше внимание; мы должны иметь дело с этим вопросом, если не хотим, чтобы революция не оказалась в смертельном застое, в такой ситуации, из которой пришлось бы выбирать долгие годы. Если мы успешно покинем старые центры борьбы, это потребует одновременного движения к созданию нового образа жизни. Какой смысл в захвате фабрик – например, автомобильных фабрик – производство в которых должно быть остано-

¹⁵ Старого противостояния между городом и деревней очевидно не существует. Капитал урбанизировал планету; Природы была минерализована (стала неорганичной). Теперь мы видим новые конфликты между урбанистическими центрами и теми частями деревни, где всё ещё остаются крестьяне. Урбанистические центры требуют всё больше и больше воды, что означает сооружение многочисленных резервуаров на расстоянии пятидесяти-ста километров от города. Это ведёт к уничтожению хорошей сельскохозяйственной земли, а также угодий для охоты и рыболовства; в результате крестьяне лишаются воды, поскольку вся она уходит в резервуары и каналы. Этот конфликт может с двух сторон сказаться на человеке, если у него есть дача. Проблема, таким образом, выходит за рамки традиционного крестьянства; она включает в себя глобальное отношение людей к природному миру и новый подход к своему образу жизни.

лено в любом случае? Разносятся крики: «Захватывайте фабрики и управляйте ими сами!» Так все пленники этой системы должны захватить свои тюрьмы и начать сами управлять своим заключением. Новые социальные формы не основываются на старых и лишь в редких случаях в прошлом мы видим основание новых цивилизаций на фундаменте старых. Буржуазия одержала победу, потому что вела борьбу на своём поле битвы – в городах. Но в наших нынешних условиях это помогло бы появлению коммунизма, который не стал бы ни новым обществом, ни новым способом производства. Сегодня человечество должно начать свою борьбу против капитала, которая будет происходить не в городах и не в деревне, но вне и тех и других:¹⁵ отсюда необходимость появления коммунистических форм, которые бы находились в настоящем антагонизме по отношению к капиталу и собирали бы вокруг себя силы революции. После пришествия мая-68, капиталу пришлось принять во внимание тот факт, что революция вновь вернулась в качестве жизненного императива, необходимости. В ответ, контрреволюции пришлось адаптироваться и моделироваться (поскольку она существует только в связи с революцией). Но как бы она ни пыталась ограничить развитие противника обычными методами, ей это никогда не удастся, потому что революция всегда будет представляться реальностью, а это значит, что она всегда будет иррациональной. Эта иррациональность является её фундаментальной характеристикой. Всё что рационально по отношению к существующему порядку может быть поглощено и интегрировано. Если революция действует на той же территории, что и противник, её всегда можно остановить. Она не может восстать; ей препятствуют в её самом страстном желании, в реализации собственного проекта на своей собственной территории.

Обретение человеческой общности должно стать целью, к которой движется революция. Поэтому революционное движение должно отражать в себе эту же цель. Методы, родившиеся при классовых обществах, увели нас от этой цели; по самой своей природе они бесчеловечны и поэтому их невозможно использовать. Было бы абсурдом желать проникнуть в структуры установленного порядка и заставить их функционировать в интересах революционного движения. Те, кто действует подобным образом, работают, будучи мистифицированными насчёт исторического проекта, который якобы достигает своей истинной цели в капитале. Эта мистификация представляет человека как второстепенный элемент. В капиталистической системе человек стал поверхностным, но лишь настолько, что человечество сохранило свою нерушимую последовательность со времён своего происхождения, оно ещё не полностью уничтожено, поскольку идея бунта остаётся живой и притом, что молодёжь не полностью демобилизована приручением. Всё остаётся возможным. В любом случае, борьба оживляет человеческую сущность в каждом индивиде; борьба выводит нас из ловушки восприятия других только в качестве их овеществлённого внешнего вида. Даже там, где индивид был овеществлён в высшей степени и превратился в органический автомат капитала, всё ещё остаётся возможность, что вся эта конструкция рухнет. Здесь мы можем последовать за хорошим советом Маркса: Недостаточно указывать на цепи, надо сделать их позорными. Каждый индивид должен испытать кризис. В конфликтах с полицией, импульс должен быть не просто к уничтожению репрессивной силы, препятствующей коммунистическому движению,

но также к уничтожению системы, провоцируя человеческое возрождение в умах полицейских.

Этого никогда не произойдёт, если будут использоваться старые методы конфронтации; нам надо найти новые методы, например, презирать и высмеивать власти¹⁶, оставлять их изолированными в ловушке собственных забот. Было бы абсурдом теоретизировать и обобщать это. Но можно быть уверенными насчёт одной вещи: это было эффективно в прошлом и станет эффективным снова, но мы должны изобретать всё больше новых методов действия. Основой для нас будет понимание, что территория и методы борьбы надо изменить; эту необходимость до сих пор понимали в ограниченной и иногда негативной манере люди, которые бросали всю и уходили на дорогу, выражая желание оставить порочный круг борьбы, которая происходит в повседневном мире.

Леваки упорствуют в своём хорошо известном цикле провокаций-репрессий-подрывной деятельности, который должен привести к революции в определённое время в будущем. Но эта концепция революции полностью недопустима, потому что означает принесение в жертву мужчин и женщин для мобилизации других. Коммунистической революции не требуются мученики, потому что ей не нужно делать требований. Мученик становится приманкой для привлечения остальных. Какой была бы польза от революции, использующей смерть в качестве приманки?¹⁷ И всё же всегда есть кто-то, кто умирает как раз вовремя (или смерть жертвы может быть «ускорена»), а кто-то ещё ходит вокруг потрясая трупом, чтобы привлечь революционных мух.

Поскольку коммунистическая революция будет триумфом жизни, она ни в коем случае не может прославлять смерть, или пытаться эксплуатировать её, потому что так она только вернётся на почву классового общества. Есть некоторые, кто будет сравнивать или заменять «тех, кто пал за революцию» с теми, кто умер, служа капиталу: но это всё тот же старый карнавал мертвечины!

Революция никогда не представляется как необходимый и естественный феномен, и у этого недопонимания серьёзные последствия. Всегда кажется, что революция зависит строго от той или иной группы, излучающей истинное сознание. Сегодня перед нами следующие альтернативы: или происходит настоящая революция – весь процесс от формирования революционеров до уничтожения капиталистического способа производства – или происходит уничтожение человеческого вида в той или иной форме. Другой возможности нет. Когда начнётся революция, не будет уже потребности оправдывать то, что произошло; скорее это будет вопрос силы избежать злоупотреблений и излишеств. А это возможно только если индивидуальные мужчины и женщины начнут становиться автономными до революционной вспышки: поскольку им не нужны лидеры, они будут хозяевами своего бунта.

Ясно, что в нынешних обстоятельствах люди могут пройти лишь какое-то расстояние в данном направлении; но ясно, что это может реализоваться только через отрицание людоедского дискурса, представляющего революцию как сведение счетов,

¹⁶ Именно так следует рассматривать деятельность американских психиатров, добровольно лежащих в психбольницы, показывая так, что нет системы знания способной определять безумие. (Можно добавить, что производство настоящего безумия необходимо для существования капитала).

¹⁷ Смерть стала существенным элементом с самосознанием человека, но это сознание передаётся с

физическое уничтожение одного класса или группы другим. Коммунизм является потребностью человеческого вида, ему не нужны подобные методы.

В целом, большинство революционеров сомневается, что революция когда-либо произойдёт, но для того, чтобы убедить себя, что она произойдёт, им приходится как-то оправдывать её перед самими собой. Это позволяет им ждать, но также скрывает тот факт, что проявления революции постоянно проходят мимо них. Для того чтобы изгнать свои сомнения, они обращаются к вербальному насилию (опять же подмена), и постоянно занимаются отчаянным и упорным прозелитизмом. Процесс оправдания функционирует так: как только они набирают добровольцев, это служит доказательством, что ситуация созрела, и что уровень агитации должен быть повышен и т.д. и т.п. В соответствии с этой схемой, революция означает агитацию, которая означает привнесение сознания извне. Они всё ещё не поняли того факта, что революция происходит как раз тогда, когда некому защищать старый порядок; революция одерживает триумф, потому что у неё нет противников. Смысл в том, что всё станет иным после неё, вот где проблема насилия снова становится актуальной. Потребность в коммунизме является потребностью всех. Это истина, которая, так или иначе, станет явной во время фермента революции. Это не означает, что люди избавятся от всего мусора старого общества за одну ночь. Это означает, что те, кто совершит революцию, будут правыми, также как и левыми; так, когда надстроечные элементы капиталистической системы будут уничтожены и глобальный процесс производства остановится, предпосылки капитала останутся неизменными, а старые формы поведения и старые схемы будут проявляться вновь, потому что будет казаться, что каждый раз человечество схватывает новую возможность, начинает новое созидание, оно оборачивает его в формы прошлого и адаптирует его к эпохе. Конечно, коммунистическая революция будет развиваться не так же как предыдущие, но если её цель как-то ограничена, она всё ещё будет частью содержания пост-революционного движения. Движение будет стремиться придать новые измерения человеческой общности, вновь утверждая и укрепляя всё, что возникло в течение революции. На этой стадии, когда дело станет трудным, вновь проявятся старые учрежденческие формы, а некоторые элементы захотят утвердить свои привилегии в скрытой форме и попытаются сделать преобладающими такие решения, которые пойдут им на пользу. Другие захотят вновь ввести самоуправление. Они так и не поймут, что коммунизм – это не новый способ производства, а новый вид бытия.

Настало также время, когда старая практика распределения всего по категориям, столь характерная для любого рэкета, должна быть уничтожена раз и навсегда. Мы должны понимать, что новое может появляться в мантиях прошлого; было бы крупной ошибкой рассматривать лишь эти поверхностные сходства с прошлым, исключая всё остальное. Суть не в том, чтобы рассматривать пост-революционное движение как апофеоз немедленного примирения, когда благодаря какому-либо чуду, угнетение прошлого самоупразднится. Поскольку новый образ жизни будет порождён действенной борьбой, вопрос стоит о модальности этой борьбы. Любой дух

большим трудом. Переход от внешнего к внутреннему очень сложен, но к счастью существуют уловки и обходные пути.

сектантства или инквизиторства будет смертельным для революции, что становится ещё одной причиной почему классическая диктатура уже невозможна, поскольку она означала бы вид бытия, присущий классовому обществу. Период промежуточных перемен не может быть преодолен кроме как через самые разнообразные выражения освобождения человека. Коммунизм несёт в себе это многообразное давление. Это давление, которое будет осуществляться большинством людей в поисках создания человеческой общности, которая позволит им избавиться от всех препятствий, стоящих на их пути. Именно это утверждение жизни имел в виду Маркс, когда сказал «если мы будем считать человека человеком, а его отношение к миру человеческим, тогда любовью можно воздавать только за любовь, доверием за доверие...» Насилие и стычки станут исключением из правила.

Те, кто уверен, что потребуются диктатура уже пришли в своём сознании к убеждению, что общество никогда не будет способно дорасти до коммунизма. Это долгий, болезненный и трудный путь к экстраординарному осознанию, что мистификации больше нет, что блуждания человечества привели его к самоуничтожению, что это произошло в основном потому, что оно доверило свою судьбу чудовищной, автономной системе капитала.¹⁸ Мужчины и женщины осознают, что сами являются определяющим элементом, и что им не обязательно уступать свою власть машине и отчуждать своё бытие в ложной вере, что это может привести к счастью.

В тот момент, когда будет достигнута эта точка, всё будет окончено и возвращение назад станет невозможным. Представления капитала будут разрушены как картонный домик. Люди, чьи умы свободны от капитала будут способны вновь обрести самих себя и своих меньших братьев. С этого времени, созидание человеческой общности нельзя будет остановить.

Идеология, наука, искусство и всё остальное, через целый ряд учреждений и организаций действуют вместе, насаждая мнение, что человек не обладает значением

¹⁸ Процесс, описанный Чезарано и Коллу как «протезирование» в *Apocalisse et Rivoluzione* (Dedalo, Bari, 1973). Книга представлена как «манифест биологической революции», и ни одно краткое изложение не способно выразить богатство его мысли. (Авторы также поднимают вопрос о представлении и символизме в социальных отношениях. См. прим. 7). Вот два отрывка, характерных для их позиций: Прогрессивные мыслители, написавшие отчёт MIT (О воздействии человека на окружающую среду, 1972) и предположения выдвинутые Маншольтом, утверждают, что капитал неспособен выжить если не будет постоянно увеличивать объём товарного производства (основа процесса валоризации). Но они ошибаются в понимании товара, как вещи. Не важно касается ли товарная форма вещи или «человека». Для того, чтобы капитал продолжал расти ему нужно лишь следующее: в процессе обращения должен быть момент, когда на один товар любого вида возлагается задача обмена на А с последующим обменом на Х. В теории это абсолютно возможно, благодаря тому, что постоянный капитал вместо инвестирования в проекты по производству предметов, посвящается проектам, призванным создать корпоративный народ («социальные услуги», «кадровые услуги»). (стр. 82) Фикция (*le fictif*) достигает пика последовательности, когда она способна представлять себя как чистый образ, а отсюда, как организацию образов, которые абсолютно нереальны; наконец, он способен к полному отделению от конкретного, до такой степени, что он исчезает. (Эта фикция является основой всех религий). Человеческий вид сможет окончательно освободиться от протезирования, фикции и религии только когда он открыто признает, что субъективно действует как неотделимая часть органического движения природы в её глобальном процессе. Биологическая революция заключается в обращении вспять раз и навсегда тех отношений, которые были характерными для предыстории (т.е. для всего периода, предшествовавшего коммунистической революции), при котором физическое существование вида подчинено роли социального механизма; это освобождение органической субъективности, прируче-

или властью действовать.¹⁹ Более того, все они укрепляют идею о том, что если нам кажется, что мы пришли к определённой стадии социальной эволюции, то это потому что иначе быть не могло с самого начала, когда мы впервые овладели технологией и развили её. Технологию окружает некая фатальность: если мы не примем её, мы не сможем совершить прогресс. Всё что мы можем сделать – это исцелить некоторые недостатки, но мы не можем избежать машины, которой является само общество. Ловушка захлопнулась, люди стали неподвижными, а определяющим фактором стали представления капитала – он представляет самого себя (т.е. капитал) как рациональный социальный процесс, который вызывает чувство, что систему больше нельзя воспринимать как репрессивную. Для того чтобы объяснить какие-либо негативные аспекты, капитал просто использует категории, описываемые как находящиеся «вне капитала».

Надо избавиться от долгих привычек сознания, позволивших человеческому уму стать вместилищем паразитических представлений капитала. Менталитет и поведение слуги (чьим хозяином является капитал) должны быть искоренены. Эта потребность стала сейчас всё более и более насущной, потому что старая диалектика повелителя и раба исчезает в процессе, при котором даже раб – человеческое существо – становится ненужным.

Глобальная перспектива

Борьбу против приручения надо рассматривать на глобальном уровне, на котором начинают появляться важные силы. Априорная универсальная рациональность капитализма может быть демистифицирована только когда мы начнём серьёзно ставить под вопрос линейную схему человеческой эволюции, а также мнение о том, что капиталистический способ производства был прогрессивным для всех стран.

В особенности страны, которые, по словам пророков роста и «экономического чуда» являются неразвитыми или находятся на пути к развитию на деле являются странами, где капиталистический способ производства не смог утвердиться. В Азии, Южной Америке и Африке живут миллионы людей, которые ещё не полностью поддались деспотизму капитала. Их сопротивление является негативным в том смысле, что они неспособны выстроить для себя иную общность. Поэтому необходимо поддерживать мировую сеть человеческих дебатов, которую лишь коммунистическая революция сможет преобразовать в движение за установление новой общности. Более того, во время революционного взрыва эта сеть или полюс будут обладать решительным влиянием на работу по уничтожению капитала.

В т.н. развивающихся странах молодёжь восстала (в Цейлоне, на Мадагаскаре в 1972-м, слабее в Сенегале, Тунисе, Заире и т.д...) и выразила различными способами те же потребности, что и молодёжь Запада. В течение более, чем десяти лет восстание молодёжи продемонстрировало, что его фундаментальной характеристикой была направленность против приручения. Не желая делать пророчеств о каком-то точном

ние машины раз и навсегда в любой форме, в которой она может проявиться. (стр. 153)

¹⁹ Здесь мы говорим о человеке не как об индивидуе, существующем в определённый исторический период, но как об инвариантной константе.

результате, важно попытаться различить в этом некую перспективу. В мае 68-го мы снова приняли прогноз Бордиги о возрождении революционного движения около 1968-го и революции в период 1975-1980 гг. Мы продолжаем придерживаться этого «предсказания». Недавние социально-политические и экономические события подтверждают это, и различные авторы пришли к этому выводу. Капиталистический способ производства оказывается в кризисе, потрясающем его от самой вершины до самого низа. Это не кризис в стиле 1929-го, хотя определённые аспекты такого кризиса и могут проявиться; это скорее кризис глубоких перемен. Капитал должен реструктурироваться для того, чтобы замедлить разрушительные последствия его глобального производительного процесса. Все дебаты о росте очень ясно показывают, что это реально. Эксперты полагают, что могут просто привлечь внимание к движению капитала и заявить, что должно произойти ослабление, замедление. Но капитал, в свою очередь может освободиться от человеческого противостояния, совершенствуя своё господство над ними на ещё более высоком уровне. Это господство, простирающееся до горизонта нашей жизни, но против него восстанёт молодёжь в своём широком движении, а растущее число взрослых начинает понимать и поддерживать их.

Революционное возрождение очевидно повсюду, кроме одной огромной страны, СССР, которая запросто может стать сдерживающим фактором, тормозом для революции (в этом случае наш предыдущий прогноз можно сдать в чистилище благих пожеланий). Но события в Чехословакии и Польше, а также постоянное усиление деспотизма в советских республиках стали показателем (негативным), что подрывная деятельность, лишь слабое эхо которой доходит до нас присутствует там. Репрессии в СССР должны ожесточиться, чтобы предотвратить распространение восстания. С другой стороны, процесс де-сталинизации принимает ту же роль (если принять во внимание исторические отличия), что и бунт дворян в 1825-м, который проложил дорогу бунту интеллигенции, а затем и всему народническому движению. Эта идея приводит нас к мысли о том, что в настоящий момент там существует подрывная деятельность, достаточная для выхода за рамки демократической оппозиции, выраженной академиком-диссидентом Сахаровым. Стоит помнить некоторые другие исторические константы: например, общее революционное действие проявилось в самой радикальной форме во Франции и России, зародившись в других странах. Французская революция распространила буржуазную революцию по Европе. Российская революция распространила двойную революцию – пролетарскую и буржуазную – результатом которой стал окончательный триумф капиталистической революции. Студенческий бунт зародился не во Франции, но здесь он приобрёл наиболее обострённую форму; он смог заставить содрогнуться капиталистическое общество, и его последствия всё ещё ощущаются. В СССР не может быть революционного движения, но последствия 1917-го – волна анти-колониальных революций – всё ещё происходят. Самой важной из них стала китайская, и теперь, когда китайская революция подошла к завершению цикла, мы увидим начало нового революционного цикла в СССР.

Важные исторические изменения между французской и российской революцией отчётливо видны в подъёме нового революционного цикла. Сегодня деспотизм капитала более мощен, чем тот, что был при царе, а священный союз между СССР и

США оказался более эффективным, чем англо-русский альянс 19 века. Итог может откладываться, но его нельзя остановить: можно ожидать, что «коммунитарное» измерение революции в СССР проявится яснее, чем на Западе и что оно пойдёт гигантскими шагами.

Революция и будущее

Во время периода полной контр-революции, Бордига был способен выстоять его расщепляющий эффект, сохраняя видение будущей революции, но особенно, потому что он смог сместить свой фокус мышления о борьбе. Он не смотрел только лишь в прошлое, которое в поддонный период становится лишь мёртвым грузом, и не участвовал в настоящем, полностью покорённом установленным порядком, но жил в будущем.²⁰ Настроенность на волну будущего позволила ему воспринимать революционное движение таким, каким оно было на самом деле, а не в соответствии с его собственными характеристиками. С тех пор, «индустрия будущего» приобрела невиданный размах. Капитал вторгся в эту новую сферу и начал эксплуатировать её, что ведёт к дальнейшей экспроприации людей и усилению их приручения. Эта хватка за будущее отличает капитал от прочих способов производства. Отношение капитала к прошлому и настоящему с самых его истоков всегда значило для него меньше, чем его отношение к будущему. Единственным жизненным соком капитала является обмен, который он осуществляет с рабочей силой. Так, когда создаётся прибавочная стоимость, это, в непосредственном смысле, лишь потенциальный капитал; он может стать действующим исключительно через обмен с будущим трудом. Иными словами, когда прибавочная стоимость создаётся в настоящем, она обретает реальность только если рабочая сила может оказаться готовой и доступной в будущем (в будущем, которое может быть только гипотетическим, а не обязательно ближайшим). Если этого будущего нет, тогда настоящее (а значит и прошлое) упраздняются: это девалоризация через полную утрату субстанции. Ясно, что первым начинанием капитала должно стать доминирование над будущим, чтобы гарантировать завершение производительного процесса. (Это завоевание удалось кредитной системе). Так капитал экспроприрует время, которое он оформляет по своему подобию, как количественное время. Однако, настоящая прибавочная стоимость была реализована и валоризирована через обмен с будущим трудом, но теперь, с развитием «индустрии будущего», нынешняя прибавочная стоимость сама стала открытой для капитализации. Эта капитализация требует программируемости времени, и эта потребность выражается в научной моде на футурологию. Следовательно, капитал производит время.²¹ С этих пор, где люди смогут размещать свои утопии и ухронии?

²⁰ Бордига утверждал, что «мы единственные основываем наши действия в будущем». В 1952-м он написал: «Наша сила заключается больше в науке будущего, чем прошлого или настоящего». («Explorateurs de l'avenir», Battaglia Comunista no. 6)

²¹ Капитал характеризуется не столько своим ударением на количестве, сколько фактом существования фундаментального противоречия между количеством и качеством, причём количество преобладает над всеми аспектами качества. Дело здесь не в реализации желаемого качества путём отрицания количества (точно так же, мы не приходим к потребительной стоимости путём подавления меновой). Это потребует полной мутации до того как будет сметена вся логика этого господства. И

Установленные общества, существовавшие в прежние времена, господствовали над настоящим и в меньшей степени над будущим, в то время как революционное движение оккупировало будущее. Буржуазный и пролетарские революции должны были гарантировать прогресс, но этот прогресс зависел от существования будущего, обладавшего ценностью по отношению к настоящему и прошлому, которые должны были быть упразднены. В каждом случае, в более или менее чёткой степени, в зависимости от типа революции, прошлое представало облачённым во тьму, а будущее в сиянии лучей света. Капитал завоевал будущее. Капитал не боится утопий, поскольку он даже производит их. Будущее является полем для производства прибыли. Для того, чтобы породить будущее, привести его к бытию, люди должны быть теперь обусловлены функцией строго предопределённого процесса производства:

количество, и качество существуют в тесной связи с измеримостью, и все они в свою очередь связаны со стоимостью. Измеримость одинаково действует на уровне и потребительной, и меновой стоимости. В первом случае, она тесно связана с одним типом господства: потребительными стоимостями измеряется социальное положение человека, а также вес угнетения, который они в себе несут. Потребительные стоимости осуществляют собственный деспотизм, облакающий собой другой деспотизм (меновая стоимость), а теперь и капитал. Маркс, в своих заметках по работе Дж. С. Милля, обличал утилитаризм как философию, в которой человек измеряется только с точки зрения потребительной стоимости, в то время как обмен автономизируется.

²² *«С нашей нынешней точки зрения, это предсказание кажется неправильным. Но мы должны иметь в виду, что невозможно делать предсказания с абсолютной точностью; весь процесс будет постоянно опаздывать в своём следовании за прогнозом, и существует также фактор, что предсказание является выражением глубокого желания самого индивида, делающего его. А желание всегда в спешке, оно не умеет ждать.*

Мы должны обсуждать будущее реалистично: т.е. в терминах движения и процесса в сторону революции и с той точки зрения, что мы должны оставить этот мир. Но это нельзя так просто утверждать; иначе это начнёт выглядеть как обман. Мы должны быть способны исследовать прогноз, который мы сделали и всё, что из него вытекает. Правдой в нём является факт, что в 1978-м, отказ о котором мы часто говорили становится теперь более явным, более чётким, чем в предыдущие годы. Более того, этот отказ несёт в себе последствия, ведущие к уничтожению капитала.

До сих пор мы говорили лишь о перманентном элементе перспективы, но он не проясняет ситуацию в настоящий момент, в который мы видим, что речь идёт уже не о борьбе против капитала, как такового. В 1973-м уже можно было видеть, что разрушение, направленное против капитала было косвенным: оно не исходило от мужчин и женщин, которые формировали бы фронтальную оппозицию против него. Если система страдает от нестабильности – «кризис», как его называют теперь экономисты – это само по себе не ставит капитал под вопрос, а катастрофа лишь начинает развиваться (хотя ход событий может ускориться).

Фундаментальная вещь, появившаяся после 1978-го – это тот факт, что мы быстро приближаемся к концу цикла капитала. Этот процесс стал более интенсивным, но также более растянутым, но с любой точки зрения, благодаря ему нам легче покинуть капитал. Легко занимать какую-то позицию по отношению к чему-то, что уже достигнуто и закончено; гораздо труднее это сделать по отношению к чему-то, что всё ещё находится в процессе формирования и развития».

(из «La separation necessaire et l'immense refus», 1979)

Это было вполне ясно в январе 1979-го, когда я писал это. В более недавней статье («l'Echo du Temps», февраль, 1980 г.) я попытался более точно описать как может произойти это «разрушение» общности капитала. Это попытка поднять вопрос о том, что я называю потенциальной смертью капитала, из-за движения антропоморфизации и капитализации человека.

В то время как капитал открыто насаждает свою общность, он осуществляет проект человеческого вида и в то же время исчерпывает его возможности. Для того чтобы быть реальными современниками нашего периода, нужно ясное осознание потенциальной смерти капитала, для того, чтобы мы потом могли влиться в новую динамику жизни.

(Автор, март, 1980 г.)

это высшая ступень программирования. Человек, которого Маркс некогда называл «оболочкой времени» теперь исключён из времени. Вместе с господством над прошлым, настоящим и будущим это порождает структурное представление, в котором всё сводится к комбинации социальных отношений, производительных сил, или мифем и т.д., составленных так, что они кажутся последовательной тотальностью. Структура, совершенствуясь, уничтожает историю. Но историю сотворили люди.

Это приводит нас к пониманию, что революция должна не только породить иную концепцию времени, но также ассимилировать её с пространством в новом синтезе. Они будут созданы одновременно, будучи порождёнными новыми отношениями между человеком и природой: отношениями примирения. Ранее мы говорили, что всё фрагментированное является зерном для мельницы контрреволюции. Но революция значит больше, чем просто возвращение себе тотальности; это интеграция всего, что было разделено, слияние будущего бытия, индивидуальности и *Gemeinwesen*. Это будущее бытие уже существует как тотальная и страстно ощущаемая необходимость; оно лучше всего выражает истинный революционный характер движения мая-68 и лицейских студентов весны 1973-го.

Революционная борьба – это борьба против власти, какой она была во все времена и во всех странах, как и во всех аспектах жизни. В течение пяти лет эта борьба захватила все сферы жизни капитала. Теперь революция вышла на настоящую арену своей борьбы, чей центр находится повсюду, но чьё место – нигде. В этом смысле её задача бесконечна: уничтожить приручение и породить бесконечное проявление человека в будущем. У нас есть ощущение, основанное не просто на оптимизме, что в течение следующих пяти лет мы увидим начало революции и уничтожения капиталистического способа производства.²²

Жак Каматт, 1 мая 1973

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Жак Каматт
Против приручения
1973

Сохранено 16 июня 2012 года из revsoc.org
Перевод Э.Т.

ru.theanarchistlibrary.org